

• КОРОЛЕВА ПРЕСТУПНЫХ СТРАСТЕЙ •

МАРИНА КРАМЕР

Школа выживания волчицы

Марина Крамер

Школа выживания волчицы

Серия «Кодекс жены самурая», книга 5

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20110995

Школа выживания волчицы: Издательство «Э»; М.; 2016

ISBN 978-5-699-90423-5

Аннотация

Когда волку угрожает опасность, волчица обязана защитить его своим телом – не дать врагу перегрызть горло вожаку стаи. Этот закон Александра Сайгачева усвоила твердо. Ее дом держится благодаря уму, рассудительности и терпению мужа, но спасти своего Акелу может только она, хрупкая и верная жена самурая. На этот раз охота, кажется, открыта на них обоих: Акелу подозревают в краже дорогого коллекционного меча, а в кабинете Саши в медицинской академии найден труп, к которому она – так кажется полиции – должна быть причастна. Идет облава на волков, и значит, первой неприятеля встретит она, волчица...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марина Крамер

Школа выживания

ВОЛЧИЦЫ

© Крамер М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Заключен ли в них злой дух или нет,
этого мне знать не дано.*

*Но в реальности
мечи Мурамасы – большая редкость,
это я знаю точно.*

Накайима Хисатае

Пролог

Рука сама потянулась к укрепленному на катана-какэ мечу. Сама, против воли хозяина. Мужчина с удивлением смотрел на меч, оказавшийся в руке, – пальцы сжали рукоять, и кожа ската, которой была обтянута рука, приятно холоди-

ла ладонь. Ничего более прекрасного, чем этот меч, он никогда прежде не видел. Это было его сокровище, его богатство, его гордость. Настоящий самурайский меч эпохи Токугавы Иэясу, принадлежавший школе мастера Мурамасы. Для тех, кто понимал, – этому мечу не было цены, в мире просто не существует таких денег, за которые обладатель меча готов был бы с ним расстаться. Совершенный инструмент для убийства – и одновременно произведение искусства, любоваться и восхищаться которым никогда не перестанешь.

Мужчина поднял меч так, чтобы лезвие его оказалось на уровне глаз, и принялся вглядываться в холодную сталь, рассыпавшую блики в лучах утреннего солнца. Меч словно поработил его, подчинил, но это ощущение было приятным. Власть, которой обладал меч, не вызывала у мужчины никаких отрицательных эмоций. Наоборот – когда он держал его в руках, все было правильно и хорошо, так, как и должно быть. Но стоило расстаться с оружием хоть на сутки, и все шло кувырком, дела не ладились, еда оказывалась невкусной, книги – неинтересными, свет то слишком ярким, то недостаточным. Когда же он брал меч в руки или просто оказывался в той комнате, где он покоился на катана-какэ, все немедленно становилось на свои места. Ему никто не был нужен, потому, наверное, он даже не заметил, как жена собрала вещи и ушла, не оставив ни адреса, ни телефона, как один за другим пропали все старые друзья-приятели. Остались только такие же, как он сам, коллекционеры-фанатики, сидящие в Интер-

нете и готовые ради раритетной вещи пускаться в дальние путешествия и тратить баснословные суммы, чтобы обладать вожаделенной вещью. Если бы он мог, то и работу бросил бы, но тут незадача – не на что стало бы покупать новые предметы для коллекции, и потому он держался.

Меч завораживал – такой правильной и строгой красоты он не видел никогда. Ею хочется любоваться беспрестанно, не отрывая глаз, не отвлекаясь. Но почему внутри вдруг такая тоска? Почему так ноет сердце? И тяжесть, такая могильная тяжесть, как предчувствие смерти...

– Да, мой господин. Я слышу тебя. Я все понял.

Глава 1

Оперативники

Слишком многое еще недоступно нам в этом мире, так стоит ли притворяться, что мы все понимаем?

Мурасаки Сикибу

– У меня дежавю.

Старший оперуполномоченный Карепанов сжал пальцами переносицу и закрыл красные после ночного дежурства глаза.

– В смысле? – его напарник лейтенант Илья Гаврюшкин, всего полгода работающий с Карепановым, боролся с подкатившей к горлу тошнотой и старался не смотреть на обезглавленное тело на полу.

– Да пару лет назад так же точно начиналось, – пояснил тот, – разве что в роли потерпевших бомжи выступали да раскиданы были по всему городу почти. А так один в один – башка отдельно, тулово отдельно, собирай не хочу. Кстати, здесь еще хоть башка рядом лежит, а тогда вообще безголовых находили.

– Так, может, того... опять? – предположил осторожно Илья.

– Если бы, – вздохнул Карепанов, убирая от лица руку, –

но, увы, это что-то новенькое. У меня с тем делом, правда, не только негатив связан. Сын мой как раз благодаря тем трупам, если можно так сказать, всерьез увлекся единоборствами. Руководитель «Каскада» у нас тогда подозреваемым проходил.

У Ильи вытянулось лицо:

– Не понял.

– Бывают, Илюха, и у нас осечки. Чуть невиновного человека под убойную статью не подвел, каюсь. Но, слава богу, разобрались. А пацан мой теперь на него как на икону смотрит. Ладно, отвлеклись. Что думаешь по трупу?

«Думать по трупу» Илья не хотел – тошнота становилась все сильнее, и он чувствовал, что если бросит еще хотя бы взгляд в сторону обезглавленного тела, точно вывернется наизнанку. И будет ему мучительно стыдно перед Карепановым за собственную слабость. Труп же, как нарочно, так и маячил перед глазами. Особенно отсеченная голова с полужакрытыми глазами, откатившаяся от тела почти к самому балкону.

– Почему у него меч в руке? – стараясь подавить тошноту, спросил Илья.

– Да черт его знает. Убийца вложил, скорее всего. Правда, непонятно зачем. Если следы заметал, то оригинально слишком.

– А не мог он себе того... сам?

– Что? Голову отсечь? Да ну, – с сомнением протянул Ка-

репанов, прикинув что-то.

– А все-таки? – не отставал Илья, которого стало меньше тошнить, и он почувствовал прилив энергии. – В порядке бреда мы не можем такую версию отработать? Проконсультироваться у медиков?

– Если только в порядке бреда. Но времени у нас, как ты понимаешь, на это нет. Поэтому давай-ка займемся более реальными версиями.

– Убийство с целью ограбления?

– Ограбить тут вполне реально, – почесал в затылке Карепанов, обводя комнату взглядом, – ты посмотри, сколько ценностей. Я такое видел только однажды, и опять-таки в связи с делом об убийствах бомжей. Есть у нас в городе крупный коллекционер старинного самурайского оружия, он же руководитель клуба «Каскад» Александр Михайлович Сайгачев. Так вот, у него в квартире – музей. Здесь, конечно, в разы меньше, но все же... Что-то мне подсказывает, что придется консультироваться у Сайгачева. Больше никто в нашем городе в этой японской мишуре, как мне кажется, и не разбирается.

– А зачем в ней разбираться? – не понял Илья.

Карепанов снова устало зажмурился и пробормотал:

– Потому что надо понять – есть ли здесь что-то ценное или куплено все на китайских развалах тысячи по три за предмет, понимаешь? Ты, к примеру, можешь сказать, какой мастер вон тот меч выковал? – показал он пальцем на укреп-

ленный в пазах катана-какэ меч в лаковых расписных ножах.

Илья подошел ближе, стараясь не смотреть на труп хозяина, и постарался извлечь оружие из ножен, но не смог.

– Видишь, – хмыкнул Карепанов, – ты даже взять его не можешь. А Сайгачев сразу скажет, чья работа, какого века и, возможно, кто владел мечом до его последнего хозяина.

– Я так понял, что вы с этим волшебником сами разговаривать будете? – оставив попытки вынуть меч из ножен, спросил Илья.

Карепанов не ответил. Встречаться с Сайгачевым он не особенно хотел, чувствовал, что тот до сих пор не простил ему несправедливых обвинений в серийных убийствах бомжей. Нет, вслух невозмутимый одноглазый самурай не произнес ни слова о той истории, однако Карепанов всякий раз чувствовал тщательно скрываемую неприязнь. Можно, конечно, попробовать привлечь жену Сайгачева, но эта идея тоже не была успешной на сто процентов. Маленькая, хрупкая с виду Александра Гельман-Сайгачева гораздо сильнее, чем ее муж, злилась на Карепанова и даже не трудилась это скрывать. Именно благодаря ей и было раскрыто то самое громкое преступление, именно Александра смогла вычислить убийцу и даже ухитрилась обезвредить его, удивив видавшего виды Карепанова. Он потом ездил к ним домой, чтобы вернуть один из вещдоков и просить прощения, и вроде бы разговор прошел мирно и почти дружелюбно, но то, что в

доме Сайгачевых ему не рады, Карепанов усвоил четко. Возможно, будет лучше, если Илья, не имевший никакого отношения к прошлому расследованию, поговорит с Александром Михайловичем и попросит проконсультировать.

– Знаешь, я о чем подумал? А поезжай-ка ты к Сайгачеву, адрес я дам и машину тоже – они за городом живут, в поселке.

– Может, проще вызвать к нам?

И тут Карепанов понял, что это бесполезно. Надо ехать самому, это будет куда проще, чем инструктировать Илью, как следует себя вести в доме криминального авторитета Ефима Гельмана по прозвищу Фима Клещ. Да и вряд ли тамошняя охрана встретит молодого опера с распростертыми объятиями и накрытым столом. А Карепанова они все-таки знают...

Но поездка сорвалась. Позвонив Сайгачеву, Карепанов выслушал вежливый, но холодный отказ и предложение встретиться в кабинете оперуполномоченного через пару дней.

– Как хотите. Если вам удобнее подъехать ко мне, давайте так и сделаем, – согласился Борис Евгеньевич, в душе довольный, что не придется тащиться в загородный поселок на своей машине.

Глава 2

Александра

*Человек может думать обо всем, но делать
должен то, в чем он уверен.
Хань Сян-цзы, китайский философ*

Как же прекрасно выглядит увлеченный чем-то человек, погруженный в свое занятие. Я каждое утро наблюдаю за этим вот уже много лет и все равно никак не могу привыкнуть. Муж, выполняющий во дворе упражнения с длинным шестом-бо, до сих пор кажется мне сказочным персонажем, ворвавшимся в мою жизнь принцем, безупречным рыцарем со своим особенным, сложным кодексом чести. Сашка с годами не утратил для меня привлекательности, и я ни за что не променяю своего уже немолодого супруга на пучок молодых балбесов, которые то и дело пытаются свести со мной знакомство, если я вдруг оказываюсь где-то одна или с подругой. Я, взрослая женщина, мать восьмилетней девочки, жена известного в городе тренера по восточным единоборствам, до сих пор выгляжу довольно молодой. Как любит говорить папа, «маленькая собачка до старости щенок» — это о моем росте и телосложении. Детское прозвище Кнопка он, правда, практически забыл, уважая все-таки мой возраст и должность доцента кафедры нормальной анатомии меди-

цинской академии, но нет-нет да позволяет себе отпустить шутку. Я не обижаюсь – как можно обижаться на родителя, у которого, кроме меня и моей семьи, никого больше не осталось? Его старшая сестра Сара не в счет – не выдержав нашего ритма жизни, она снова уехала к себе в Саратов и заявила, что теперь уж мы увидимся только на ее похоронах. Зная тетю Сару, я уверена, что этот момент наступит не скоро. Папа предлагал ей нанять помощницу по хозяйству, все-таки тетушка сильно немолода, однако даже ему никогда не удавалось переубедить сестру.

– Еще не хватало, чтобы кто-то шарил по моим шкафам, – категорически заявила тетя Сара, и папа только рукой махнул:

– Ой, да делай ты что хочешь! Хотел как лучше – чтобы сама не надрывалась.

– По-твоему, Сара – никуда не годный мусор? Сара – не хозяйка в своем доме? – заголосила тетушка, наматывая на палец уголок черного головного платка, с которым никогда не расставалась. – Глядите на него, люди! Младший брат, которого Сара вот на этих руках вынянчила!

– Все, все! – спасаясь бегством в кабинете, заорал папа. – Забудь, поняла? Ничего тебе никто не предлагал!

Тетушка так и уехала, не помирившись с братом, посмевающим заподозрить ее в немогущности.

Эти семейные разборки не задевали только одного человека – моего мужа. Сашка был невозмутим и нейтрален, не

поддерживал ни папу, ни тетку, считая, что у каждого своя правда и ее нужно уважать, раз уж никак невозможно примирить их.

– Аля, это их семейное дело, – объяснял он мне терпеливо, когда я пыталась заставить его принять чью-то сторону, – и мне там места нет. Сара Иосифовна еще довольно бодра и самостоятельна для своих лет, привыкла все решать и делать сама, к чему заставлять ее терпеть присутствие чужого человека? А Фима, хоть и хочет ей помочь, но лучше бы не делал этого. Привык, что все прислушиваются к его словам, а тут, видишь ли, нашла коса на камень. Характер-то у обоих не сахар.

Я умолкла и больше с этим вопросом к мужу не лезла. Вскоре у меня появился другой повод для разговоров с ним – наша дочь. Второклассница Соня неожиданно вспыхнула интересом к тому, чем занимается в своем клубе ее отец, и теперь каждый вечер они вдвоем отправлялись в город на занятия. Меня страшно злило, что Акела дает в руки девочке деревянный меч и учит ее приемам владения им наравне с мальчишками.

– К чему это, скажи? – спрашивала я всякий раз, когда они возвращались из клуба и довольная дочь неслась в ванную. – Зачем ей это, она же девочка!

Муж невозмутимо забрасывал в стиральную машинку два комплекта кимоно – свой и Сонькин – и с легкой усмешкой парировал:

– И давно это ты стала такой поборницей женских видов спорта, малышка? – явно намекая на мое увлечение байками и разряд по стрельбе.

– Это было давно!

– И не припомню, чтобы с тех пор ты никогда не прикасалась к винтовке или ключам от мотоцикла, – тут же уличал муж, заставляя меня умолкнуть.

Я действительно каждое воскресенье с самого утра брала верного телохранителя Никиту и отправлялась к песчаному карьере, где по часу или больше, в зависимости от настроения, упражнялась в стрельбе из снайперской винтовки. Надо сказать, что это умение пару раз здорово пригождалось мне в жизни и помогало спасти не только собственную шкуру, но и жизнь моих родных. К счастью, об этом увлечении в медицинской академии никто из коллег не догадывался.

– Если ты будешь постоянно говорить Соне, что она занимается неженским делом, она станет делать это назло тебе, разве ты не понимаешь? У нашей дочери твой характер, а кому, как не тебе, знать, что это означает?

И даже в этом Акела был прав.

Соня не была моей дочерью, как не была и дочерью Акелы – мы взяли ее из детского дома, но характер у нее действительно оказался неожиданно моим. Она даже смотрела точно так же, как я, особенно если считала, что кто-то посягает на ее свободу. Единственным человеком, которому Соня не демонстрировала крутой нрав, был мой отец. Деда Фиму

она обожала, к нему бежала по утрам на его половину дома, чтобы поздороваться, ему первому несла дневник с оценками и ему же доверяла свои нехитрые детские секретики. Папа таял, как шоколадная конфета, забытая на подоконнике в солнечный день. Мой папа, криминальный авторитет Фима Клещ, в присутствии этой девочки делался обычным немолодым, почти лысым дядькой со смешным пузиком, готовым за ее улыбку на все. Любили Соню и его верные друзья Бесо и дядя Моня, она была младшей из всех детей, а потому ее баловали, что, конечно, не могло не огорчать нас с Акелой. И в глубине души, что греха таить, я отлично понимала, зачем муж берет Соню с собой на занятия. Искусство владения мечом требует повышенного внимания, предельной концентрации и жесткой дисциплины, иначе меч непременно отомстит нерадивому воину. И именно через оружие Сашка прививал дочери какие-то принципы и непреложные истины. Кроме того, в клубе было много ребят из неблагополучных семей, а мой муж считал, что Соня должна видеть не только праздничную сторону жизни, но и ее изнанку. Против этого я возразить ничего не могла. Мне нравилось, что Сашка учит Соню чувствовать чужую боль и заботиться о тех, кому хуже. Все свое свободное от работы в папином банке время он посвящал вот таким заброшенным мальчишкам, чьи родители не находили времени или желания заниматься с ними или просто разговаривать по душам. Мне казалось, что таким образом Акела как бы восстанавливает справед-

ливость и расплачивается за то, что сделал раньше. Помогает освоиться в жизни тем, у кого, возможно, нет шанса. Я знала, что двум своим воспитанникам он помог поступить в военное училище, а еще кому-то в университет, и ребята, став студентами, с благодарностью приходят в клуб, чтобы помочь в занятиях. Папа относился к этому скептически – не верил, что Акела, бывший некоторое время его доверенным человеком, вдруг решил стать святым. Но Сашка святым никогда не был и не стремился к этому, просто привычка жить по самурайскому кодексу заставила его пересмотреть многие вещи в жизни и что-то в ней изменить. Сейчас он занимал пост начальника службы безопасности папиного банка, но душа его лежала все-таки к восточным единоборствам и к мальчишкам, приходившим к нему в «Каскад».

– Вам парня надо было брать, – сказал как-то папа, когда Соня и Акела уехали в клуб, а мы с ним остались дома одни. – Ты глянь, как твой паленый увлекся. Жаль, что Соня – девочка.

– Мы не выбирали, если ты помнишь. Мы ее увидели и поняли – она наша. Сашка любит ее не меньше, чем если бы она была мальчиком.

– Да так-то оно так. Но учит девку черт-те чему.

– Ой, прекрати! А ты чему меня учил? Кто меня в секцию стрельбы отвел? Не ты ли? – улыбнулась я, но папа шутку не принял:

– Я, Саня, просто не знал, как тебя воспитывать. Славка

с Семкой были пацанами – тут просто вроде. А ты... И когда мать ваша ушла, я растерялся. Что я мог знать об этих ваших бабских тонкостях? А потом увидел, как ты пистолет держишь, и подумал – а чего? Стреляют же бабы в тире. А ты к тому же еще и способная оказалась. Вспомни, как с тобой тренер-то носился!

Еще бы ему было не носиться со мной, когда я в тринадцать лет выполнила норматив на второй взрослый разряд! Рука и глаз у меня были верными, оружие я любила и управляться с ним умела. До сих пор самым желанным подарком для меня остаются не цветы, шубы или бриллианты, а хорошая оптика или новая модель винтовки, хотя мужу, конечно, это не особенно нравится.

Вечером с тренировки вернулись Акела и Соня, и на лице мужа я вдруг заметила тень недовольства.

– Что-то случилось? – спросила я, когда дочь убежала в душ.

– Звонил Карепанов.

У меня что-то ухнуло вниз – фамилию этого опера я буду помнить до смерти, потому что именно из-за него чуть было не сел в тюрьму пару лет назад Акела. Это с его легкой руки моего мужа обвинили в серии убийств только за то, что у него в квартире обнаружилась огромная коллекция старинного самурайского оружия, из которой был похищен меч, ставший орудием убийства несчастных бомжей. Я лезла

из шкуры вон, чтобы доказать – Акела не делал этого, не мог в силу разных обстоятельств. Но Карепанов заранее был уверен в том, что человек, исповедующий самурайский кодекс бусидо, не кто иной, как хладнокровный убийца, способный ради проверки остроты меча отсечь голову так называемому неприкасаемому. Мне все-таки удалось доказать, что меч был похищен из квартиры, я даже сумела найти похитителя и предотвратить еще одно убийство, но это едва не стоило жизни и мне, и моей подруге Ольге Паршинцевой. Ольга отделалась испугом, а я потом долго болела, дойдя до нервного истощения. Меч нам вернули, Карепанов приезжал с извинениями, но что это меняет? Разве можно словом «извините» вернуть назад тот месяц, что Акела провел в СИЗО? Или стереть те эмоции, что испытала я, обнаружив в подвале одного из гаражей полку с пятью отрубленными человеческими головами? И вот теперь этот самый Карепанов снова лезет в нашу жизнь.

– Что ему нужно опять?! – враждебно спросила я. – В городе кого-то режут, и ты под подозрением?

– Аля, что за тон? – чуть удивленно поинтересовался муж. – Может, ты сперва выслушаешь, а потом будешь делать выводы?

– Да, прости. – Я поправила пояс-оби своего домашнего кимоно и щелкнула кнопкой чайника. – Рассказывай.

Акела сел напротив меня за стол и сложил руки на столешнице.

– Карепанов ведет дело об убийстве коллекционера и попросил проконсультировать его.

– А почему тебя?

– Потому что в квартире убитого обнаружена коллекция самурайских мечей. Как ты понимаешь, первая ассоциация у Карепанова была со мной.

– Разумеется! Как только в деле появляется самурайский меч, так к делу тут же подшивают Александра Сайгачева, – с сарказмом отозвалась я, насыпая в широкий глиняный чайник зеленый чай из большой жестяной банки.

– По-моему, это вполне логично.

– Слушай, а я и не знала, что в городе еще у кого-то есть коллекция мечей. Думала, что ты уникален, – поддела я, и Акела рассмеялся, поправив кожаный кружок, закрывавший отсутствующий глаз:

– Прости, малышка, я тебя обманул. Есть увлеченные люди. Возможно, Карепанов преувеличил или принял за старинное оружие обычные китайские имитации, каких сейчас в любом магазине пруд пруди. Для этого и зовет – чтобы разобраться, что к чему.

Мне стало немного легче: консультировать и быть обвиняемым – все-таки разные вещи. Акела считался хорошим востоковедом, а в оружии разбирался до мельчайших тонкостей и мог на глаз определить, какому мастеру принадлежит меч и в каком веке он был изготовлен. Коллекции, которая теперь хранилась здесь, в загородном доме, мог поза-

видовать любой музей мира – там было несколько по-настоящему ценных образцов, существовавших в единственном экземпляре. Процесс уборки в этой комнате превращался у моего мужа в ритуал. Он надевал специальные перчатки, вынимал из шкафа особые салфетки и почти весь день, выделенный для этого, проводил за вытиранием пыли с ножен и катана-какэ. В последнее время к нему частенько присоединялась Соня – сидела рядом, подавала салфетки и внимательно слушала и запоминала все, что рассказывал и показывал отец.

Папа, если заставлял их за этим занятием, только хмыкал и крутил у виска пальцем:

– Ты чего девке голову морочишь? Зачем ей это все? Хочешь ты, чтоб по-японски она балакала, – ладно, это хотя бы развитие. Но к оружию-то зачем подпускаешь? А если пальцы обрежет?

Акела невозмутимо пропускал эти колкости мимо ушей, а я в который раз напоминала о собственном детстве, проведенном в стрелковом тире и на разнообразных стрельбищах.

– Не бабы в доме, а сплошные амазонки, – ворчал папа, но в душе, я знаю, был горд тем, что его девочки умеют то, что не всегда доступно даже многим мальчикам. А уж когда Соня однажды при Бесо и дяде Моне показала довольно неплохую для ребенка технику владения деревянным мечом, мой папенька просто расплылся от распиравшего его самодовольства.

– Видали? – гордо поглядывая на приятелей, спросил он. – Настоящая самурайка выросла! – и тут же был наказан за безграмотность собственной внучкой:

– Деда, нет слова «самурайка», есть слово «онна-бугэй-ся».

– ... так твою и разэтак, – констатировал грустно папа под смех Бесо и Мони, – лучше б чему полезному ребенка учили.

Но у нас на этот счет было свое мнение, и мы поступали так, как считали правильным. То есть как «мы» – Сашка. Я, правда, перестала возражать, когда увидела одухотворенное личико дочери, сосредоточенно размахивающей деревянным мечом почти в такт с Акелой. Раз ей нравится – пусть.

Ночью, лежа в постели рядом с мужем, я вспомнила почему-то о Карепанове.

– Саш, а ты когда с опером встречаешься?

– На днях. Он позвонит. А что?

– Да так, предчувствие у меня какое-то нехорошее, – призналась я, поглаживая мужа по груди.

Он только усмехнулся чуть слышно и прижал меня к себе:

– Не бойся, малышка. Со мной ничего не случится, я обещаю.

Как будто от его обещания зависели все те случайности, что происходили в нашей жизни.

Глава 3

Ольга

Вместо того чтобы изнурять себя многими мыслями, следуй одной, но позволяй ей меняться от мгновения к мгновению.

Ямомото Цунэтомо. «Хагакурэ. Книга самурая»

Ольга Паршинцева проснулась в дурном настроении. Во-первых, за ночь в комнате стало слишком холодно. Ольга хоть и любила спать с открытой форточкой, но сегодня ударил первый морозец, и это мгновенно отразилось на температуре в комнате. Высунув из-под одеяла нос, она оглядела комнату. Так и есть, муж уже куда-то ушел, даже чашку за собой в кухню не вынес. Это тоже не добавило оптимизма, как и найденная чуть позже на столе записка от Саввы: «Уехал в область, встречаюсь с клиентом, буду поздно».

– Как так-то?! – негодовала Ольга, стараясь одновременно попасть одной ногой в штанину спортивных брюк, а второй – в тапочку. – Еще вчера никто никуда не собирался – и зд-рассьте. Уехал он!

Муж Ольги Савва был владельцем небольшого детективного агентства, где теперь трудилась и сама Паршинцева, в прошлом окончившая медицинскую академию. Карьера судебного медика у нее не задалась, из бюро пришлось уво-

литься, с кафедры – тоже, и так удачно подвернувшийся с предложением Савва оказался просто находкой. Его брат-близнец Никита был телохранителем Саши Сайгачевой, единственной Ольгиной подруги, приобретенной совершенно странным образом – в ходе расследования, которое Паршинцева задумала провести самостоятельно. Разумеется, все чуть было не обернулось бедой, но маленькая, коротко стриженная Сашка, владевшая пистолетом и снайперской винтовкой, а также лихо гонявшая на мотоцикле, сумела помочь ей выпутаться и остаться в живых. С Саввой их познакомил Никита, и спустя некоторое время они поженились. Сашка была свидетельницей, а ее муж Александр Михайлович – почетным гостем. Когда-то Ольга занималась у него японским языком. Теперь они с Саввой снимали однокомнатную квартиру в центре города, небольшую, но хорошую и уютную, и откладывали деньги на собственную. Жить с мамой Ольги они не захотели – дочь считала, что мама заслужила право на отдельную квартиру, где по утрам не будет сталкиваться с зятем.

– Зато мы будем к тебе в выходные приходить, – успокаивала она расстроенную маму, и этого обещания строго придерживалась.

Каждую субботу они с Саввой покупали торт и ехали к Наталье Ивановне, которая уже ждала дочь и зятя с испеченным пирогом и огромной сковородой жареной картошки, как любила Ольга. Для сладкоежки Саввы у нее всегда были особые

пирожки – с вишней, малиной или смородиной. Рыжеволосый зять устраивал Наталью Ивановну по всем параметрам, он был спокойным, рассудительным и очень внимательным. Они с Ольгой работали вместе, но это не мешало им и в свободное время не разлучаться. Возможно, сказывался первый год семейной жизни.

Ольга, не утерпев, набрала номер мужа, но телефон Саввы молчал – был вне зоны доступа.

– Неужели едет где-то? – бросив взгляд на настенные часы, пробормотала она. – Это куда же его нелегкая унесла?

Завершив утренние процедуры и заправив постель, Ольга вышла в кухню, где после отъезда мужа царил вполне ожидаемый хаос. Паршинцева никак не могла понять, каким образом ухитряется Савва, жаря яичницу, вымазать не только сковороду, плиту и стоящий рядом чайник, но и разделочный стол, навесной шкаф и даже штору на окне. После завтраков, приготовленных мужем, кухня требовала как минимум косметического ремонта.

– Интересно, Никита – такой же поросенок? – вслух проговорила Ольга, осматривая руины кухни. – Надо у Диночки спросить.

Никита находился в состоянии перманентного жениховства вот уже почти год. То есть предложение своей девушке он сделал, но до свадьбы у них пока так и не дошло. Правда, Дина говорила, что это к лучшему – мол, нельзя устраивать две свадьбы в одной семье в один год, но Ольга почему-то

считала, что за этим суеверием Дина прячет что-то другое. Они с Никитой жили вместе уже три года, казалось бы, логично завершить все свадьбой, но что-то шло не так. Даже Саша подстегивала своего любимчика, говоря, что Дина вот-вот сбежит от него, но Никита, уверенный в подруге, только отшучивался:

– У меня брат – детектив, враз найдет, если что.

После уборки настроение немного улучшилось, но не настолько, чтобы приняться за какие-то другие дела. Снова глянув на часы, Ольга прикинула, что у Саши сейчас нет занятий, и можно позвонить ей и спросить, как чувствует себя Соня, которая на днях приболела.

Голос Саши, ответившей не сразу, насторожил Ольгу:

– У тебя что-то случилось? Как Соня?

– Соня поправилась, уже в школу сегодня пошла, сейчас Никита поедет забирать.

– Тогда почему таким голосом, как будто небо рухнуло?

– Сашку вызвали в полицию, и его нет уже больше двух часов, – совсем упавшим голосом сказала подруга, и Ольга ахнула:

– Да ты что! А из-за чего?

Задавать подобный вопрос, зная, кто у Сашки отец и кто муж, было рискованно – она могла рассердиться и бросить трубку, чтобы ничего не объяснять.

– Его попросили проконсультировать по одному делу.

– Ох, напугала! – облегченно перебила Ольга. – Я-то уж

подумала... Может, просто что-то запутанное?

– Он же не следователь! Всего-то и надо – посмотреть какие-то мечи и дать оценку. Это не могло занять столько времени. Даже нашу коллекцию можно отсмотреть за два часа, а у нас она – сама знаешь.

Это Ольга знала. Впервые попав в дом Сайгачевых, она просто рот открыла от изумления. В довольно скромно обставленной квартире было столько настоящего японского оружия и доспехов, что у нее разбежались глаза. Она раньше и представить себе не могла, что человек может владеть подобным – такие вещи обычно хранятся в музеях под стеклом, а тут расставлены и развешаны в обычной городской «трешке». Александр Михайлович отдавал этому все свободное время, постоянно что-то читал и раз в год обязательно ездил в Японию к своему мастеру, обучившему его когда-то основам почти утраченной техники боя на веерах. Прежде Паршинцевой не доводилось слышать о таком, а уж видеть и подавно. Но когда она взяла в руки настоящий боевой веер-тэссен, сердце ее на момент перестало биться, настолько прекрасной оказалась эта вещь. Кстати, именно с помощью тэссена Сашка смогла обезвредить убийцу. Получилось, конечно, не так эффектно, как показывал Александр Михайлович, зато надежно. Безобидная на первый взгляд вещь могла нанести серьезную рану – перерезать отточенным краем артерию, например. Веер этот Сайгачев хранил в сейфе и демонстрировал только близким людям. Боевое ору-

жие принадлежало его деду – чистокровному, кстати, японцу, попавшему в плен и отбывавшему наказание в лагерях где-то под Иркутском.

– Саш, ты бы зря нервы-то не тратила, – успокаивающим тоном сказала Ольга. – Может, там что-то сложное. Или Александр Михайлович увлекся и устроил сотрудникам лекцию.

– Оля, ты не хуже моего понимаешь, что Сашка не из тех, кто чувствует себя в полиции как рыба в воде, правда? И уж конечно, никаких лекций он там не устраивает. А это значит, что-то случилось. Я места себе не нахожу, у него выключен телефон, я не знаю, о чем думать!

Было довольно странно слышать истеричные нотки в голосе Александры. Несмотря на маленький рост, хрупкое телосложение и подростковый вид, внутри эта женщина была словно отлита из куска высококачественной стали – цельная, умная, негибкая. На ее долю выпало немало испытаний, которые могли сломать любого мужчину, но Александра выстояла. И теперь такой пустяк, как выключенный телефон мужа, заставляет ее чуть не плакать и говорить дрожащим голосом.

– У тебя во сколько последняя пара заканчивается?

– Сейчас перваки будут, через полтора часа максимум – у них зачет, но я его письменно проведу, нет сил разговаривать.

Значит, через полтора часа она отпустит первокурсников

и будет свободна. Ольга прикинула, что за это время вполне успеет одеться и доехать до медакадемии. Поскольку Никита забирает из школы Соню, у них будет пара часов. Сашке просто необходимо отвлечься, и Ольга ей в этом поможет. Все равно других дел на сегодня не предвидится.

– Значит, так, – твердо сказала Ольга в трубку, – через полтора часа я тебя буду ждать в холле морфокорпуса. Пойдем пить кофе и есть пищу.

– Савки в городе нет? – мгновенно вычислила подруга.

– Уехал еще утром куда-то в район, и тоже телефон не отвечает. Так что мы с тобой сегодня брошенки, дорогая. Посвятим день себе.

Александра пару секунд помолчала, что-то прикидывая, потом согласилась. Ольга подключила мобильный к зарядному устройству и начала собираться.

«Давно я не переступала порог этого заведения», – оглядывая просторный холл морфологического корпуса медакадемии, подумала Ольга. В этом здании на четвертом этаже располагалась кафедра судебной медицины, где она раньше работала. По этой лестнице справа от гардероба она спускалась в морг на вскрытия. Но после увольнения Ольга ни разу здесь больше не была – настолько обидными ей казались тогдашние обвинения заведующего кафедрой. Все, конечно, выяснилось, Нарбус принес извинения, но осадок, оставшийся после истории с пропажей денег из сейфа, у Ольги

так и не исчез. Она понимала, что доценту проще было обвинить ее, чем признать, что собственная дочь – зависимая игроманка, но гордость была задета настолько, что Паршинцева так и не смогла пересилить себя и вернуться на кафедру, куда ее настойчиво приглашали.

– Давно ждешь? – раздалось за спиной задумавшейся Ольги, и она, ойкнув от неожиданности, развернулась.

Перед ней стояла невысокая женщина с короткой стильной стрижкой, из-под распахнутого пальто виднелась узкая юбка и белая блузка – Саша не изменяла своей привычке на работу одеваться элегантно и строго. Тот, кто видел ее в стенах академии, ни за что не узнал бы преподавателя анатомии Александру Ефимовну, встретить он ее, к примеру, в субботу вечером. Это была совершенно другая женщина – затянутая в кожаные брюки и куртку, обутая в берцы на шнурках, часто за рулем огромного «харлея». Ольга, увидев это впервые, испытала шок, потому что ей довелось узнать еще одну Александру – мягкую, тихую, одетую в кимоно. Такой она бывала только дома и только для одного человека – для мужа. Как уживаются в таком маленьком теле три такие разные личности, Ольга не понимала, но любила Сашу всякую.

– Ты пальто-то застегивай, там такая каша с неба падает – ужас просто, – с улыбкой сказала Ольга, чуть склонив по привычке голову к правому плечу.

– Выбрала же ты погоду для прогулок, – фыркнула Саша, застегивая пуговицы.

Мимо пробежала стайка девчонок в накинутых поверх белых халатов куртках и пальто:

– До свидания, Александра Ефимовна! – раздалось из этой толпы.

– До свидания, девочки. Имейте в виду – завтра начинаем пищеварительную систему, буду спрашивать с начала занятия, – отозвалась Александра ледяным тоном.

– Как хорошо, что я у тебя не училась, – фыркнула Ольга, заматывая шею шарфом.

– Кто знает, хорошо ли, – неопределенно отозвалась Саша, о чем-то думая.

Ольга толкнула тяжелую дверь и вышла на улицу, сразу попав под мелкий снег с дождем. Саша, выйдя следом, вынула из сумки темные очки, чтобы летящий в лицо снег не размазал тушь на ресницах.

– Давай быстренько до стоянки добежим, у меня там машина, и поедem в центр, – предложила она, вынимая из сумки ключи.

Этот вариант Ольгу вполне устраивал.

Они выбрали небольшое кафе возле торгового центра, сели за столик у окна и заказали пиццу и кофе. Саша то и дело бросала взгляды на выложенный на стол мобильник, но он молчал.

– Ты так убиваешься, как будто его арестовали, – заметила Ольга.

– Можно подумать, ты не знаешь, что это вполне возмож-

но, – с горечью сказала Саша, покручивая на скатерти сахарницу. – Сотрудники нашей полиции все еще живут стереотипами. Для них человек, женатый на дочери авторитета, априори виноват во всем. Но ты ведь бываешь у нас в доме – скажи, хоть раз кто-нибудь повел себя как-то не по-людски? Папа, Сашка, охранники наши? Мы ничем не отличаемся от остальных, но клеймо папиной прошлой жизни лежит на всех, даже на моей дочери. Помнишь, как ее похитили из школы? Что сказал тогда директор? Да если бы Никита меня не перехватил – я бы ему голову снесла! – ноздри маленького Сашиного носика раздулись, лицо чуть побледнело от сдерживаемых эмоций. – И с Акелой то же самое. Помогал папе в свое время, теперь начальником службы безопасности работает в его банке – все, виновен! И никогда, понимаешь, никогда уже ему не отмыться, как и мне. Противно. – Саша хрустнула пальцами и умолкла.

Ольга смотрела с сочувствием. Она хорошо понимала, что творится в душе подруги. Жить в такой атмосфере действительно тяжело, а она изо всех сил пытается это делать. Она любит отца, взявшего ее, четырехлетнюю, из детдома, любит мужа, который старше ее на полжизни, любит дочь, которую они тоже удочерили, потому что Саша потеряла неродившегося ребенка в разборках Акелы с бывшим хозяином и больше иметь детей не могла. Она пытается выстроить жизнь так, как делают это все женщины, но окружающая действительность всякий раз указывает ей на то, что она не может быть

как все. Ольга была знакома с ее отцом Ефимом Иосифовичем Гельманом и не могла сказать о нем ни единого художественного слова – обычный лысеющий дядька с пузиком, любит хорошо поесть, любит большие застолья с накрытым по всем правилам столом – что тут необычного? Да, у него тяжелый взгляд и руки, покрытые синими наколками, но что с того? Ольга в свое время тоже была не лишена предрассудков, но, пообщавшись с семьей Саши поближе, поняла, что многие вещи люди додумывают сами, а на деле их и нет вовсе.

Но что могло случиться с Александром Михайловичем?

– Хочешь, я позвоню Карепанову? – вдруг предложила она, и Саша удивленно вскинула на нее глаза:

– В смысле?

– Позвоню и напрямую спрошу. Мы с ним работали раньше, ты ведь знаешь.

– Позвони! – решительно сказала Сашка, готовая, судя по взгляду, даже на штурм отделения, если понадобится.

Ольга вынула телефон и набрала номер Карепанова. Тот ответил не сразу, и Ольга даже испугалась, что он успел сменить номер. Но вот раздался его голос:

– Карепанов слушает.

– Здравствуйте, Борис Евгеньевич. Это Оля Паршинцева, помните такую?

– Тебя забудешь, – рассмеялся на том конце Карепанов. – Как жизнь молодая?

– Потихоньку, спасибо. Борис Евгеньевич, у меня к вам

вопрос. У вас был сегодня Александр Михайлович Сайга-
чев?

Карепанов, кажется, удивился:

– А тебе зачем?

– Надо, раз спрашиваю. Я его жду уже больше двух часов,
дело у меня, а его все нет, – на ходу начала плести Ольга, но
Саша под столом пнула ее носком сапога, призывая остано-
виться и не громоздить ненужную ложь.

– А с какой радости ты его у меня-то ищешь, я не понял.

– Он говорил что-то о том, что должен к вам подъехать.

– Не было его у меня. Должен был, но отменилось все,
перенеслось на пару дней.

Глядя на то, как заливается мертвенной бледностью лицо
Саши, Ольга быстро попрощалась и схватила подругу за за-
пястье:

– Ну-ка, прекрати! Мало у него других дел?

Саша с усилием выдернула руку и сжала пальцами пере-
носицу:

– Ничего не понимаю. Он никогда мне не врал, что про-
исходит-то?

– Саша, не додумывай! Слышишь меня? Не смей додумы-
вать то, чего нет! – жестко потребовала Ольга. – Он вернется
вечером домой и все тебе объяснит, я уверена.

– А я вот не уверена совсем! В последний раз, когда у
него возникли какие-то тайны от меня, он тут же оказался в
СИЗО. Я больше этого не выдержу...

Ольга видела, что подруга еле сдерживается, чтобы не заплакать. Привязанность Александры к мужу достигла каких-то критических значений, это было странно и одновременно вполне объяснимо. Такие, как Сайгачев, встречались в природе в единственном экземпляре, а у Сашки это было самое первое чувство, почти детское – они познакомились, когда ей было всего семнадцать, и с тех пор не расставались.

– Ты все равно прекрати играть в догадки. Я уверена, что ничего не случилось, а я редко ошибаюсь. Давай лучше поедим, остынет же все.

– Кусок в горло не лезет, – призналась Александра, глядя в окно, за которым поднялась настоящая метель, что для первых чисел октября довольно редкое явление.

У нее зазвонил мобильный, и Саша, восторгаясь, схватила со стола трубку. Но звонок оказался не тот, которого она все это время ждала.

– Да, Никита, я слушаю. Нет, я в городе еще. Мы с Ольгой в кафе зашли. Не знаю. Савва куда-то уехал с утра. Хочешь, я дам ей трубку? Ладно. Нет. А тебе? Понятно. Нет. Я сама приеду. Все.

Положив телефон, она закусила губу, и Ольга поняла, что Сайгачев и Никите не звонил, хотя обычно всегда справлялся, привез ли телохранитель Соню домой после занятий, так было заведено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.